
Философия и методология науки

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

УДК 165.5

ФЕНОМЕН ИСТИНЫ И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИМОРФИЗМА ЗНАНИЯ

В. Т. НОВИКОВ¹⁾, О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Социальное познание характеризуется рядом специфических черт, среди которых можно выделить две основные: во-первых, разнообразие видов познавательной деятельности, их относительную автономность и суверенность; во-вторых, многообразие и различное функциональное назначение форм закрепления результатов познания. В этой связи рассмотрена специфика квалификации итогов познавательной деятельности как истинного знания. Если квалификация истины свойственна научному знанию, то ее коррелятами в зависимости от основных функций знания в других сферах деятельности человека выступают иные феномены. Так, для донаучного, обыденного знания это житейская мудрость и здравый смысл, для вненаучного – составляющее основу мировоззрения убеждение, а для институционального – практическая эффективность.

Ключевые слова: знание; истина; вненаучное знание; жизненная мудрость; здравый смысл; убеждение; практическая эффективность.

Образец цитирования:

Новиков ВТ, Новикова ОВ. Феномен истины и ее корреляты в социальном познании: к проблеме полиморфизма знания. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:51–58.

For citation:

Novikau UT, Novikava VU. The phenomenon of truth and its correlates in social science: to the problem of knowledge polymorphism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:51–58. Russian.

Авторы:

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Uladzimir T. Novikau, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. novikovvt@tut.by

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

THE PHENOMENON OF TRUTH AND ITS CORRELATES IN SOCIAL SCIENCE: TO THE PROBLEM OF KNOWLEDGE POLYMORPHISM

U. T. NOVIKAU^a, V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. U. Novikava (mod@tut.by)

Social cognition is characterized by a number of specific features, among which there are two main. The first is associated with a variety of types of cognitive activity, their relative autonomy and sovereignty. The second feature deduces the diversity and various functional purpose of the forms of consolidating the results of knowledge. In this regard, the article considers the specifics of qualification of the results of cognitive activity as true knowledge. If the qualification of truth is inherent in scientific knowledge, then other phenomena act as its correlates, depending on the basic functions of knowledge in other areas of human activity. So for pre-scientific, everyday knowledge truth is related to worldly wisdom and common sense, for extra-scientific knowledge truth correlates with the conviction that forms the basis of the worldview, and for institutional knowledge the correlate of truth is practical efficiency.

Keywords: knowledge; truth; extra-scientific knowledge; life wisdom; common sense; belief; practical efficiency.

Возможность, важность и необходимость достижения истинного знания издавна занимала человека, порождая разные мнения о мировоззренческом, когнитивном и экзистенциальном статусе истины. В частности, свое отношение к данному феномену однозначно высказал Омар Хайям в одном из рубаи, в котором исходной является установка на релятивизацию знания:

Так как истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нет у смысла, поверь, в изученье наук¹
[1, с. 138].

Иная, скептическая, установка свойственна Рене Декарту, который, стремясь, по его словам, полностью разрушить в науках прежние сомнительные утверждения, ищет новое методологическое основание для постижения истины. В итоге он приходит к выводу: «...таким образом, после более чем тщательного взвешивания всех “за” и “против” я должен, в конце концов, выдвинуть следующую посылку: всякий раз, как я произношу слова *Я есмь, я существую* или воспринимаю это изречение умом, оно по необходимости будет истинным» [2, с. 21–22]. Показательно, что в данной работе – «Размышления о первой философии», – в которой приводится доказательство существования бога и проводится различие между человеческой душой и телом, французский мыслитель подвергает сомнению существующие и претендующие на статус истины представления из сферы здравого смысла, науки и философии.

Взяв за основу установку Р. Декарта в рассмотрении возможности квалификации знаний из этих сфер рационального знания как истинных, конкретизируем цель и предмет нашего анализа. Во-первых, мы обратим внимание только на спе-

цифику и прерогативы социального знания, что относится к ведению социальной эпистемологии, и, во-вторых, дифференцируем социальные знания, выделив в качестве особых его типов *донаучное, вне-научное, научное и дисциплинарное знание*, артикулируя тем самым его полиморфизм и, как следствие, полифоничность социального познания. В этой связи зададимся вопросом о том, всякий ли результат познавательной деятельности нацелен на получение знания, которое можно квалифицировать в качестве истинного, и является ли ориентация на достижение объективно истинного знания приоритетной для деятельности человека как субъекта не только теоретической, но и практической деятельности.

Говоря о полифоничности социального знания, мы имеем в виду принципиальную автономность и самоценность каждого из данных типов. В этом состоит одно из существенных отличий социального знания от знания естественно-научного, которое с очевидностью проступает в самом названии последнего. В обществе со времени эпохи Просвещения в качестве презумпции утвердилось представление о том, что в системе знаний о природных явлениях легитимным и эталонным признается только научное. В социологии научное знание не обладает однозначной привилегией. Следовательно, если для результатов научного познания приоритетом (и целью) является достижение знания, которое можно было бы квалифицировать как истину, то для оценки статуса результатов иных типов и форм социального познания требуются другие критерии и квалификации. Достижение иных видов знания определяется поставленными актором целями, и их, на наш взгляд, можно было бы характеризовать как эквиваленты истины, поскольку так или иначе они коррелируют с научным знанием и содержат признаки объективно истинного знания.

¹Цитата приводится с сохранением орфографии оригинала. – В. Н., О. Н.

Прежде всего особый статус свойственен *донаучному знанию*, которое не только выполняет важную регулятивную роль в социальной адаптации и поведении отдельного человека, но и в принятии или отказе от принятия социально значимых решений в обществе в целом. Отметим, что донаучное знание возникает в процессе повседневной жизни, являясь следствием поступков как самого человека, так и его окружения. Это знание закрепляется в трех основных формах повседневного опыта, имеющего неспециализированный характер: чувственном, перцептивном опыте, естественном языке и здравом смысле [3, с. 125–126]. Эти три формы представляют диалектическое единство. Так, если чувственный опыт весьма текуч, динамичен и фрагментарен, то здравый смысл является фиксатором наличия некоторой повторяемости и стабильности в потоке восприятий и представлений, закрепляя и догматизируя устойчивость посредством человеческого рассудка.

Особая роль принадлежит естественному языку, который выступает как связующее звено между этими компонентами знания и в вербальной форме закрепляет их рациональное содержание. В диалектическом единстве чувственного опыта и здравого смысла проявляется принципиальное лингвологическое единство – органическая связь мышления и языка, причем если содержание слов как элементов языка характеризуется дискретностью и фрагментарностью в репрезентации явлений, то использование их в речевых практиках позволяет охарактеризовать их с позиций динамизма и процессуальности. При этом донаучное знание не может претендовать на раскрытие сущности рассматриваемых объектов, ограничиваясь установлением предметно-ориентировочных связей, относящихся к сфере обыденных, но жизненно важных для человека явлений. Это специфическая форма знания, поэтому, по словам М. Хайдеггера, «философия никогда не сможет опровергнуть обыденный рассудок, так как он глух к ее языку» [4, с. 9].

Однако неправомерно сводить назначение донаучного знания только к обеспечению нормальной жизнедеятельности отдельного человека. Это знание может выступать как индикатор состоятельности разработки и практического осуществления проектов, прошедших научную апробацию, но при этом затрагивающих интересы государства и гражданского общества. В этой связи можно вспомнить опирающиеся на научные изыскания 1970–80-х гг. и получившие одобрение государственных чиновников проекты поворота таких сибирских рек, как Иртыш, Обь и некоторых других, в целях обеспечения водными ресурсами засушливых районов среднеазиатских советских республик. Реализация этих проектов должна была содействовать практике орошения земель, повышению плодородия и в итоге интенсификации хлопководства. Отказу

от намеченных планов способствовали именно соображения здравого смысла с учетом опыта и негативных экологических последствий осуществленной десятилетием ранее программы поворота Печоры и Северной Двины.

Следовательно, донаучное знание можно квалифицировать не с позиции его соответствия канонам научной рациональности и критериям объективной истины, а как житейскую мудрость, являющуюся ориентиром в сложных перипетиях практической жизни людей с характерными для нее необходимыми и случайными связями. Житейская мудрость в обыденной жизни проявляется в том, что люди в своем поведении и деятельности опираются как на рациональность, так и на интуицию. Без изучения повседневного знания как основы интересующего мира и теоретических абстракций в феноменологической социологии невозможно понять специфику научного знания об обществе и эксплицировать феномен полиморфизма социального знания в целом. Об этом прямо говорил основоположник этого направления социологической мысли А. Шютц, отмечавший, что особенность гуманитарных наук состоит в их укорененности в обыденном знании. По его словам, «исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук» [5, с. 491].

Исходя из этого, на наш взгляд, существует корреляция между феноменами истины, с одной стороны, и здравым смыслом и житейской мудростью, с другой, но все же эти феномены относятся к разным сферам деятельности человека и их результатам. Так, в одном случае речь идет о сфере познания и, соответственно, гносеологии, в другом – о сфере обыденной, повседневной жизнедеятельности, имеющей практический характер. И, говоря об их взаимосвязи, можно вспомнить слова К. Маркса о том, что «люди никоим образом не начинают с того, что “стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира”». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить... т. е. не “стоять” в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности» [6, с. 377].

Еще одной фундаментальной формой социального знания является *внеаучное знание*. Его специфика заключается в непосредственной связи с определенным типом мировоззрения, который характерен для общества, образом жизни и системой ценностных ориентаций, предпочтениями и в целом с типом духовной культуры. Это знание включено в систему мировоззрения, идет ли речь о системе взглядов на мир отдельного человека, группы людей – класса, этноса, корпорации, – или

исторического типа общества. В последнем случае имеются в виду мифологическое, религиозное и философское мировоззрение, в структуре которых знания всегда находятся в состоянии сосуществования с другими компонентами, составляющими архитектуру мировоззрения, а потому обязательно испытывают их влияние. Спектр факторов этого влияния весьма широк: это влияние ценностных установок, идеалов, стереотипов поведения и др. Очевидно, что в этом случае можно говорить о специфике рациональности, которая коррелирует с чувствами, переживаниями, эмоциями и характеризуется своеобразием потребностей и интересов. Рациональность при необходимости соотнобразуется с конкретными задачами воспитания и образования личности, учитывает круг общения и духовно-психологический климат человека (или социальной группы), определяющие своеобразие интерпретации, понимания и оценки социальных явлений и процессов. В итоге эти факторы формируют отношение социальных субъектов к явлениям общественной жизни и характер реакции на них.

В частности, таким вненаучным знанием выступает мифологическое и религиозное знание, которое, возникнув в глубокой древности, оказывается востребованным и в наши дни. Причины живучести мифологического сознания объяснил Э. Фромм: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы» [7, с. 11]. В свою очередь, автор «философии символических форм» Э. Кассирер отмечал, что современная социальная мифология создается целенаправленно, причем «миф всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии... Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой» [8]. В этой связи можно упомянуть идеологию – систему вненаучного мировоззренческого знания, которую Р. Барт характеризует как «искусственный миф, понятный массам благодаря средствам агитации и пропаганды» [9, с. 251].

Среди вненаучных форм знания особый статус принадлежит философскому знанию, которое имеет амбивалентный характер, что было отмечено еще древними греками, видевшими его специфику в наличии у него не только стремления к достижению *эпистемы*, понимаемой как истина, но и *док-*

сы, рассматриваемой как мнение, и которое в этом смысле является носителем субъективной оценки событий. Показательна характеристика философского знания французских энциклопедистов. «Истина для философа, – говорится в Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламбера, – не любовница, которая развращает его воображение и которую он рассчитывает найти повсюду: он довольствуется возможностью выяснить ее там, где может ее заметить. Он не смешивает ее с правдоподобием; он принимает за истинное то, что истинно, за ложное – то, что ложно, за сомнительное – то, что сомнительно, за правдоподобие – то, что правдоподобно. Он способен сделать и больше, и великое преимущество философа состоит в том, что он, не имея достаточного мотива для суждения, умеет держаться на неопределенной позиции» [10, с. 598–599]. Показательно, что эта уклончивая в отношении суждений философа об истинности знания позиция свидетельствует не о его индифферентности по отношению к возможности достижения истины как таковой, а о мировоззренческом статусе философии, для которой философское знание имеет личностное измерение, выражая отношение человека к происходящему и предполагая рефлекссию над ситуацией.

В целом же *вненаучное знание*, учитывая его мировоззренческий характер, связано с научным, что находит воплощение в общем для них стремлении к достижению, как отмечалось выше, *эпистемы*, но, в отличие от науки как особой формы культуры, мифология, религия, искусство, философия, являясь формами духовного опыта, немыслимы без *доксы*, и, следовательно, выражения собственного мнения, которое характеризует отношение к тому, что познает человек. В этом смысле *вненаучное знание* обладает латентной интенцией на *истинное знание*, но главное в нем – отражение действительности с позиций интересов, ценностей и идеалов человека или социальной группы. В данном случае коррелятом истины выступает убеждение, в котором знания, содержащие «зерна» истины, координированы с ценностными установками, социальными идеалами. Эти внерациональные компоненты мировоззрения находятся в синкретическом единстве с верой в правильность существующей у человека системы взглядов на мир, его самого и его места в мире.

Специфической формой социального знания является также *институциональное знание*, в котором проявляется практическая природа познания, поскольку оно непосредственно предназначено для достижения утилитарного, значимого для нужд общества результата. В данном случае имеется в виду, что если *предметное знание* в полной мере должно соответствовать критериям научной рациональности и претендовать на статус научной истины, то *институциональное знание* можно характеризовать как *технологическое знание*, а его

презумпция оценивается по критерию практической реализуемости и эффективности. В частности, Г. П. Щедровицкий писал, что «основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. – не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость на практике» [11, с. 95].

Институциональное знание – это знание прикладного характера, предназначенное для использования в конкретных областях практической деятельности человека – хозяйственно-экономической, социально-политической, организационно-управленческой и других. Думается, что не требует детализации сравнение тех знаний, которые оказываются востребованными ученым-политологом или теоретиком-экономистом, с одной стороны, и практикующим политиком или хозяйственником, с другой. Это хотя и близкие по предметной сфере, но все же разные по назначению и служебной функции знания, поскольку проблемы, поставленные перед ученым и руководителем-практиком, и вопросы, которые им приходится решать, качественно разные. Политику и экономисту-хозяйственнику, так как они имеют дело не с идеализированными объектами, а с объектами, данными в конкретно-чувственной форме и обладающими полиметрическими характеристиками, необходимо учитывать их многообразные качества и свойства. Надлежит принимать в расчет условия существования, конъюнктуру, а также традиции, ценности и нормы общежития, поскольку принимаемые решения и успех их осуществления зависят от состояния общественного сознания и отношения к итоговым результатам практических преобразований населения.

В психологической науке подобное различие стало предметом специального анализа в работе Б. М. Теплова «Ум полководца» [12]. Из проведенного исследования специфики мышления военачальника следует вывод о различии теоретического и практического типов мышления, ориентированных на решение задач, которые относятся к разным сферам деятельности человека и, соответственно, нацелены на достижение коррелятивного знания. Между ними существуют отношения координации, но не субординации. Таким образом, коррелятом и эквивалентом истины в *институциональном знании* является практическая эффективность полученных результатов, а поскольку социальная практика многообразна, то столь же многообразны формы институционального, практико-ориентированного знания. Это, в частности, знания-умения, знания-правила, знания-нормы и другие формы, которые имеют технологический характер и обладают статусом полезности, что является версией прагматической концепции истины.

Специфика достижения истины как атрибута научного знания определяется наличием у социально-

гуманитарного познания трех интенций. Во-первых, это знание, что, очевидно, должно иметь когнитивную ориентацию и, следовательно, соответствовать общепринятым для наук о природе и обществе нормам – так называемым канонам научной рациональности. Во-вторых, что тоже естественно, это знание в принципе должно иметь праксиологическую ориентацию и быть актуальным или потенциально практически полезным. В-третьих, это знание обязательно должно обладать ценностно-нормативной, аксиологической ориентацией, поскольку востребованным является такое социальное знание, которое будет соответствовать принятым в данном обществе социально-культурным ценностям, идеалам и нормам и не иметь деструктивных для него нововведений, т. е. соответствовать диалектике традиций и новаций. При этом по определению желательным является существование интенций в гармоническом единстве, что представляет серьезную проблему для достижения объективно-истинного знания об изучаемых явлениях и процессах общественной жизни. Обратим внимание на некоторые из них.

Первое обстоятельство определяется так называемым предпосылочным характером социального познания, непосредственно сказывающемся на его результате – знании – и определяющем проблемный характер его квалификации как истинного знания. Показательным является влияние метанаучных, социально-культурных факторов, в частности, социального интереса на ход и итоги познания. Хрестоматийным в этом случае является высказывание Т. Гоббса, согласно которому «люди отступают от обычая, когда этого требуют их интересы, и действуют вопреки разуму, когда он против них... Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть и интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии» [13, с. 132–133]. Субъект познания, характеризуя социально-историческую ситуацию, должен осознавать, в каком статусе он выступает и какой характер носит его высказывание в конкретном случае: знания или мнения.

Второе обстоятельство, имеющее также метанаучный и в этом смысле предпосылочный для познания социальных связей и отношений характер, касается роли ценностей и идеалов в постижении истины. Их воздействие осуществляется посредством ценностных установок, которые формируются у человека на основе разделяемых им и его окружением корпоративных социально-экономических, политико-идеологических, религиозных традиций, обычаев и стереотипов мышления. В частности, характеризуя особенности методологии одного из ведущих представителей Кембриджской шко-

лы интеллектуальной истории Дж. Покока, исследователи его творчества отмечают, что в центре его внимания «оказывается либеральная практика языковой игры как элемента политической борьбы, не санкционированной прямым авторитетом и насилием. Такой подход созвучен либерализму как принятию мнения и значения *Другого* и пониманию множественности проявлений любой истины» [14, с. 32]. Очевидно, что системы ценностей и свойственные им ценностные установки, связанные с социальными интересами и отражающие партикулярные – классовые, этнические, социокультурные традиции, обычаи, стереотипы поведения, наконец, особенности образа жизни людей, находят отражение в их представлениях о статусе человека в обществе. В этой системе содержатся представления о жизненных перспективах, добре и зле, справедливости и несправедливости и других ценностях общежития, что определяет особую роль оценки в социальном познании.

Третье обстоятельство имеет отношение к роли предпосылочного знания и его влияния на возможность достижения истинного знания и касается воздействия ценностей и оценочных суждений на результат познания. Обратим внимание на две позиции, существующие в социальной эпистемологии. Первая позиция, свойственная классическому обществознанию, исходит из презумпции достижения истины «в чистом виде» и рассматривает необходимость элиминации оценки как ведущей к субъективизации и, следовательно, к релятивизации знания. Так, по словам М. Вебера, «в обществознании действует принцип *отнесения к ценности* объекта, но не применима оценка. Это вообще не проблемы ценностей» [15, с. 570]. Как следует из высказывания, в методологии немецкого социолога действуют два принципа: принцип *свободы от оценочных суждений*, касающийся деятельности историка и методолога науки, и принцип *отнесения к ценностям*, предполагающий учет влияния социокультурных условий, воздействующих на процесс познания и, следовательно, на возможность достижения истины.

Вторая позиция артикулирует влияние как ценностей, так и связанных с ними оценок на ход и результаты социального познания. В качестве обязательного условия достижения истинного знания выступает необходимость учета влияния закономерностей и объективной логики социальной практики, обуславливающей возможность достижения истинного знания не в свободных от нужд практики условиях, а в прямой связи с практикой. Об этом ведет речь К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [16, с. 1].

Таким образом, суть рассмотренных методологических позиций не в том, что в реальной исторической практике акторы – субъекты социального действия – не руководствуются социокультурными ценностями и идеалами, а значит, определенными принятыми в социуме нормами. В этом нет проблемы. Суть в том, должны ли, и если должны, то в какой мере, исследователи – ученые-историки, политологи, правоведы – пользоваться аппаратом оценочных суждений, что получило, например, распространение в конце 1980–90-х гг. в советской и постсоветской литературе в форме появления ряда работ, использовавших методологию *повелительное наклонение в истории*.

Наконец, обратим внимание на еще одно – четвертое, специфическое, в отличие от естествознания, обстоятельство, имеющее отношение к роли предпосылочного знания, а также напрямую связанное с проблемой ценностей и их влиянием на квалификацию знания. В частности, говоря о трех группах потребностей человека, известный русский философ и социолог П. Л. Лавров особо выделяет третью группу потребностей, побуждающих субъекта к активным социально-историческим действиям. При этом он отмечает, что именно здесь проявляется «потребность лучшего, влечение к расширению знаний, к постановке себе высшей цели, потребность изменить все данное извне сообразно своему желанию, своему пониманию, своему нравственному идеалу, влечение перестроить мыслимый мир по требованиям истины, реальный мир – по требованиям справедливости» [17, с. 40]. Обратим внимание на имеющую знаковый характер фразу П. Л. Лаврова – «по требованиям справедливости». В этой связи отметим, что в русской философской традиции во второй половине XIX – начале XX в. актуальной была обозначенная Н. К. Михайловским проблема диалектики истины и правды. В ее обсуждении феномены совести и справедливости – *правды-справедливости*, как правило, рассматривались в качестве приоритетных по отношению к формальной, имеющей статус официальной истины – *правды-необходимости*. Подобной трактовке соотношения этих понятий, имеющих не столько гносеологический, сколько аксиологический характер, в социальной онтологии соответствовало предпочтение, отдаваемое в общественном мнении гражданского общества оценке происходящих событий и действий людей с позиций норм естественного права и нравственности по сравнению с нормами позитивного права и юридического закона.

Таким образом, анализ проблемы истины в социальном познании определяется многообразием форм социального знания и их функциональным назначением. Конечно, социальное познание ориентировано на получение объективно-истинного знания, соответствующего действительности, но поскольку человек оказывается в различных жиз-

ненных ситуациях и решает многие практические задачи, то знание, получить которое он стремится и которым руководствуется в своих действиях и поступках, можно квалифицировать по-разному. Если в социальных науках ученый стремится к объективной истине как таковой, то в других сферах жизни и деятельности можно говорить о ее эквивалентах как специфических формах, в которых предстает это истинное знание. Такой формой – коррелятом истины – в донаучном познании выступают житейская мудрость и здравый смысл, во вненаучном – составляющее основу мировоззрения убеждение, а в институциональном – практическая эффективность полученного знания.

При полиморфизме и различном функциональном назначении социального знания определяющим является достижение объективно-истинного знания – интенции, которая способствовала возникновению культуры человечества и значение которой в современном прагматичном и технократизированном мире все более принижается. Серьезная опасность хорошо осознается многими деятелями науки и культуры. В частности, эту обеспокоенность разделяет Й. Хейзинга, отмечающий, что «прагматизм лишил понятие истины претензий на всеобщую значимость, поместив его в русло потока времени. Истина есть то, что обла-

дает существенной ценностью для людей, ее исповедующих. Нечто есть истина, если и поскольку она имеет значение для определенного отрезка времени. Грубый ум мог бы легко понять: это имеет значение, стало быть, это истина. Следствием этого редуцированного, относительного понятия истины было известное духовное и моральное нивелирование идей, снятие всех различий между ними в градации и ценности. <...> Идеалом всегда оставалось постижение истины. Я не знаю ни одной культуры, которая бы отвергала познание в самом широком смысле или отрекалась от Истины» [18, с. 69–70].

Проблема истины в социальном познании, учитывая его полифоничность и многообразие форм знания, в которых репрезентируются результаты познавательной деятельности, непосредственно связана с существованием и активностью человека в различных сферах его жизнедеятельности и имеет мировоззренческий характер, затрагивая основания человеческой культуры. Отметим, что рефлексия над данной проблемой способствует дальнейшему осмыслению специфики и проблемного поля социальной эпистемологии, а следовательно, дальнейшей разработке вопросов такого важного раздела философского знания, как философия и методология науки в целом.

Библиографические ссылки

1. Курганцев М, составитель. *Лирики Востока*. Москва: Правда; 1986. 480 с.
2. Декарт Р. *Сочинения*. Том 2. Соколов ВВ, редактор. Москва: Мысль; 1994. 640 с.
3. Филатов ВП. *Научное познание и мир человека*. Москва: Политиздат; 1989. 270 с.
4. Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге*. Доброхотов АЛ, редактор. Москва: Высшая школа; 1991. 192 с.
5. Кравченко ЕИ, составитель. *Американская социологическая мысль: тексты*. Добренков ВИ, редактор. Москва: Издательство МГУ; 1994. 496 с.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*. Том 19. Москва: Госполитиздат; 1961. 670 с.
7. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Швейник ГФ, переводчик; Гуревич ПС, редактор. Москва: Прогресс; 1989. 272 с.
8. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 1990;2:58–65.
9. Барт Р. *Мифологии*. Зенкин СН, переводчик, редактор. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 2000. 320 с.
10. Богуславский ВМ, редактор. *Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера*. Москва: Наука; 1994. 720 с.
11. Щедровицкий ГП. *Избранные труды*. Пископпель АА, Щедровицкий ЛП, редакторы. Москва: Школа культурной политики; 1995. 800 с.
12. Теплов БМ. *Ум полководца*. Москва: Педагогика; 1990. 208 с.
13. Гоббс Т. *Избранные произведения*. Том 2. Вейцман ЕМ, редактор. Москва: Мысль; 1964. 736 с.
14. Атнашев Т, Велижев М, составители. *Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 632 с.
15. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, переводчик, редактор. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
16. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*. Том 3. Москва: Госполитиздат; 1955. 625 с.
17. Лавров ПЛ. *Философия и социология*. Книжник-Ветров ИС, составитель. Москва: Мысль; 1965. 703 с.
18. Хейзинга Й. *Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир*. Сильвестров ДВ, переводчик, составитель. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха; 2017. 450 с.

References

1. Kurgantsev M, compiler. *Liriki Vostoka* [Lyrics of the East]. Moscow: Pravda; 1986. 480 p. Russian.
2. Descartes R. *Sochineniya*. Tom 2 [Works. Volume 2]. Sokolov VV, editor. Moscow: Mysl'; 1994. 640 p. Russian.
3. Filatov VP. *Nauchnoe poznanie i mir cheloveka* [Scientific knowledge and the human world]. Moscow: Politizdat; 1989. 270 p. Russian.
4. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoy doroge* [Talking on a country road]. Dobrohotova AL, editor. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. 192 p. Russian.

5. Kravchenko EI, compiler. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts]. Dobrenkova VI, editor. Moscow: Moscow University Press; 1994. 496 p. Russian.
6. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 19* [Works. Volume 19]. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 670 p. Russian.
7. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Shveynik GF, translator; Gurevich PS, editor. Moscow: Progress; 1989. 272 p. Russian.
8. Kassirer E. [Technique of modern political myths]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1990;2:58–65.
9. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Zenkin SN, translator. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh; 2000. 320 p. Russian.
10. Boguslavskij VM, editor. *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalamberta* [Philosophy in the Encyclopedia of Didro and D'Alembert]. Moscow: Nauka; 1994. 720 p. Russian.
11. Schedrovitskiy GP. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Piskoppel AA, Schedrovitskiy LP, editors. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki; 1995. 800 p. Russian.
12. Teplov BM. *Um polkovodtsa* [General's mind]. Moscow: Pedagogika; 1990. 208 p. Russian.
13. Gobbes T. *Izbrannyye proizvedeniya. Tom 2* [Selected works. Volume 2]. Veytsman EM, editor. Moscow: Mysl'; 1964. 736p. Russian.
14. Atnashev T, Velizhev M, compilers. *Kembridzhskaya shkola. Teoriya i praktika intellektualnoi istorii* [Cambridge school. Theory and practice of intellectual history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 632 p. Russian.
15. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davyidova YuN, translator, editor. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
16. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 625 p. Russian.
17. Lavrov PL. *Filosofiya i sotsiologiya* [Philosophy and sociology]. Knizhnik-Vetrov IS, compiler. Moscow: Mysl'; 1965. 703 p. Russian.
18. Huisinga J. *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kultura. Zatemnennyiy mir* [The shadows of tomorrow. Man and culture. Darken world]. Silvestrov DV, translator, compiler. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha; 2017. 450 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.